

Это личное!

Юлия
Волкодав

счастье
на бис

#фанаты

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В67

Серия «Это личное!»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Волкодав, Юлия
В67 Счастье на бис / Юлия Волкодав. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 509, [1] с. (Это личное!).

ISBN 978-5-17-133674-5

Маленький приморский город, где двоим так легко затеряться в толпе отдыхающих. Он — бывший артист, чья карьера подошла к концу. Она — его поклонница. Тоже бывшая. Между ними почти сорок лет, целая жизнь, его звания, песни и болезни.

История, которая уже должна была закончиться, только начинается: им обоим нужно так много понять друг о друге и о себе.

Камерная книга про любовь. И созависимость.

«Конечно, это книга о любви. О любви, которая без осадка смешивается с обыкновенной жизнью.

А еще это книга-мечта. Абсолютно откровенная.

Ну а концовка — это настолько горькая настойка, что послевкусия надолго хватит. И так хитро сделана: сначала ничего такого не замечаешь, а мгновением позже горечь проступает и оглушает все пять чувств».

Маша Zhem, книжный блогер

© Юлия Волкодав, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Все герои вымышлены, все совпадения случайны

ПРОЛОГ

В доме тихо. Только здесь, почти в лесу, начинаешь понимать, что такое настоящая тишина. В городе, даже если ты в квартире один и окна плотно закрыты, доносятся посторонние звуки: у кого-то сработает в машине сигнализация, кто-то из соседей пустит воду в ванной, а этажом выше ребенок вздумает попрыгать через скакалку, пусть и в половине двенадцатого ночи. Собственный дом, окруженный высокими соснами и буками, к тому же стоящий на отшибе, позволяет узнать истинную тишину и научит ею наслаждаться.

Сашка сидит на крыльце, прижавшись затылком к еще теплому, нагретому солнечными лучами дереву перил. В руке тлеет сигарета, дожидаясь следующей редкой, но глубокой затяжки. Ее единственная за день сигарета. Уступка старой жизни, которая закончилась в тот день, когда он перешагнул порог ее дома. Очень неуверенно перешагнул, на ногах он тогда держался не слишком хорошо. Сейчас лучше. Это тоже уступка, теперь уже со стороны костлявой. Тогда Сашка его вырвала, выцарапала. Не столько знанием — уж знаний у столичных эскулапов было поболее. Скорее характером. Упертостью своей. Сжала зубы, прорычала «не отдам». И не отдала. На сколько раундов еще ее хватит?

Сашка прислушивается, не доносится ли из дома знакомый голос. Самый знакомый на свете. Всеволод Алексе-

евич утверждает, что с возрастом голос становится ниже. Как-то взялся на примерах ей доказывать, разбирать, в какой тесситуре пел в молодости, в какой под конец.

— Разница в половину октавы! — Он размашисто подчеркивал что-то в нотах, в которых Сашка все равно ничего не понимала. — Видишь?

— Вижу, — кивала она.

Но не слышу. Молодой Туманов ее вообще мало волновал. Для нее голос оставался тем же самым. Пусть поет в любой тесситуре. Пусть ворчит на телевизор и изгаляющихся в нем политиков. Пусть доказывает, что ему хочется. Только бы не хрипел, сдавленный астматическим кашлем.

Двери, выходя на крыльцо, Сашка не закрыла. Ни в его комнату, ни во двор. Чтобы услышать, если понадобится. Она тщательно следит, чтобы телефон всегда был при нем, включенный, заряженный, с ярким экраном и быстрым набором ее номера. Но он все равно чаще зовет, чем звонит. Ему так привычнее. А она привыкла слышать его из любой комнаты. Но двери все равно старается не закрывать, если позволяет погода. Сегодня позволяет. Первый по-настоящему весенний день, хотя на календаре середина апреля. Если тепло продержится хотя бы неделю, зазеленеют деревья, покажется первая трава. И Всеволод Алексеевич, бродя по их огромному участку, будет восторженно звать ее тем самым голосом.

— Саша, иди сюда. Посмотри, яблонька зацвела!

И ей придется, бросив на плите кастрюлю, спешить на его зов любоваться яблонькой. Сашке сад даром не нужен. Когда они переехали, выяснилось, что сад безбожно запущен, многие деревья давно одичали. А у него оказался дар — что ни посадит, что ни привьет, все приживается. И нравится ему в земле возиться. Сил только малова-то, Сашка как увидит, что он ведро с удобрениями тащит или саженец очередной с нее ростом, так сердце кровью

обливается. И не скажешь же ничего, не заберешь. Обидеть его она боится не меньше, чем потерять.

— Только не преврати его в комнатную собачку, — сказала ей Тоня еще тогда, в самом начале, когда сам Всеволод Алексеевич не расставался с кислородной маской и по этой причине был не слишком разговорчив. — Он тебе не простит.

— Думаю, что он мне и не позволит, — хмыкнула Сашка.

Это в первые месяцы он был практически беззащитен. Задыхающийся, слабый, с постоянно скачущим сахаром, зависимый от нее как ребенок. Но чем лучше ему становилось, тем чаще просыпался тот самый, настоящий Туманов, перед которым грозная доктор Тамарина восхищенно замирала, как влюбленная четырнадцатилетняя дурочка из Мытищ. Они искали друг к другу подход долго. Благо спешить обоим было некуда. И роли до сих пор четко не распределились. Рассеянного, часто хворающего дедушку сменял гордый и самолюбивый артист, привыкший быть центром всеобщего притяжения. А Сашка то становилась мамкой и нянькой, нежной, заботливой, умеющей успокоить, когда ему приснится очередной кошмар или астма опять о себе напомнит. То вот так, подпернув грубые армейские штаны, сидела на крыльце и курила, выпуская кольца дыма навстречу ярко-звездному небу.

Если сегодня среди ночи проснется, а он часто просыпается, надо обязательно рассказать ему, что в воздухе пахнет весной. Он очень ждет весну, как все старики.

Сашка присыпает окурки землей и возвращается в дом, осторожно ступая по скрипучим половицам. Дом у них маленький, но уютный. Впрочем, раньше она не оценивала жилье с этой точки зрения. Раньше ей было все равно. Дом и дом, крыша над головой. А теперь убирает, намывает чуть ли не каждый день. Просто водой, все моющие средства с запахами способны вызвать приступ, так что находятся

под строжайшим запретом. Пусть лучше в доме пахнет едой, свежим хлебом. Хлеб каждый день печет хлебопечка. Сашка точно знает, что в нем не будет никакой дряни, которую ему нельзя. А он по утрам идет на запах, улыбаясь до ушей. И счастлив, что его ждут за уже накрытым столом, с салфеточками, тарелочками, горячим завтраком. Именно его ждут, именно для него накрывали. И уже не так важно, что меню строго ограничено списком низкоуглеводных продуктов. Сашка очень старается из них сотворить что-то вкусное, каждый день разное. Но его диабет непредсказуем, и часто скачки сахара связаны не с тем, что он съел, а с тем, о чем думал. Можно сидеть на голой гречке и получить шокирующую цифру на глюкометре, потому что недосмотрела, недолюбила, не заговорила, не отвлекла и он загнал себя в водоворот воспоминаний. Поэтому Сашка неестественно много для себя улыбается. Для него улыбаться не сложно. И говорит с ним постоянно. И сейчас, прежде чем лечь спать, идет к нему.

Спальни у них разные, через стенку. Но это чистая условность, у него она проводит времени гораздо больше, чем у себя. Если проснется ночью и позовет, до утра уже от себя не отпустит. В его спальне, помимо кровати, стоит диван, на котором Сашка часто досыпает остаток ночи. Давно пора бы переехать на него окончательно. Но они оба держатся за какие-то странные представления о достоинстве, которые неизвестно кто придумал. Согласно им в начале одиннадцатого, внимательно посмотрев программу «Время» в большой комнате, Всеволод Алексеевич желает ей спокойной ночи и отправляется к себе. Сашка заканчивает домашние дела, домывает посуду, заматывает в полотенце кастрюлю с гречкой — упариваться до утра и идет курить на крыльцо. Потом через ванную комнату, почистив зубы и переодевшись в ночное, окончательно избавившись от запаха табака, идет к нему. Если все хорошо, он уже спит.

У него спящего выражение лица такое благодное, чисто добрый волшебник из детской сказки. Когда-то, тысячу лет назад, он снимался для новогодней передачи, играл там звездочета. Пел колыбельную в расшитом звездами плаще и колпаке. И укладывался спать прямо на сцене. Она тогда впервые увидела его таким — безобидным, умиротворенным. Хотя он всего лишь играл заявленный образ добряка-звездочета. И только теперь стал на этот образ по-настоящему похож. Ее добрый сказочник, персональный.

Он спит с ночником, чтобы не наткнуться в темноте на предметы, если придется вставать. И чтобы Сашке не пришлось подсвечивать себе телефоном. Она подходит к нему, слушает. Слух теперь ее главный инструмент диагностики, весьма удобный, надо сказать. По звуку его дыхания она может многое узнать, и при этом ничем не побеспокоить Всеволода Алексеевича. Вроде бы все нормально, ночь должна пройти без сюрпризов. Сашка наклоняется к нему и позволяет себе вторую роскошь за долгий и трудный день. Они оба неплохие артисты. Он делает вид, что всегда крепко спит в этот момент. А Сашка делает вид, что никакого прикосновения губ к седому виску не было.

АПРЕЛЬ

— Саша...

Ей достаточно, чтобы проснуться. Тоня говорит, что она и не спит вовсе, в лучшем случае дремлет. Твердит, что так нельзя. Раньше предлагала свою помощь. Но толку-то, если зовет он именно ее? И Сашка все равно будет подсакивать при первых звуках из его спальни.

Секунда — и она уже у него. Он сидит, но дышит нормально. Не астма, однако привычка всех астматиков при первых тревожных признаках садиться у него работает четко. Для Сашки самое главное — излучать спокойствие. В любой ситуации, а ночью особенно. Он ее, может, для того и зовет.

— Что случилось? — Неспешно (теперь уже неспешно, так нужно) подходит, садится на край постели. — Ну, что такое?

— Пить хочется.

На тумбочке у его кровати всегда стоит термкружка, в которой с вечера заготовлено теплое питье, обычно чай с молоком. Сашка на нее выразительно смотрит.

— Кончилось!

А вот это плохо. Кружка большая, на пол-литра. Сильная жажда — признак высокого сахара. Сашка тянется за глюкометром.

— Руку давайте.

Она к нему на «вы» почти всегда. И лучше бы тех ситуаций, когда прорывается «ты», совсем не существовало.

Глюкометром приходится пользоваться часто, но она следит, чтобы пальцы успевали заживать, постоянно чередует руки. Когда он попал к ней, на правую было страшно смотреть, потому что колот он всегда себя сам. Страшная тайна Всеволода Туманова — он переученный левша. Пишет правой, а микрофон всю жизнь держал левой.

— Всегда у тебя сначала гадости, потом радости, — ворчит он.

— Что поделаться?

Сашка сцеживает капельку крови на полоску, напряженно смотрит на экранчик. Многовато, но не критично. Видели и хуже.

— Ну что там?

— Жить будем. Чуть-чуть добавим инсулина.

Он горестно вздыхает, но Сашка хорошо знает, где его неизменный артистизм, а где настоящие печали. Сейчас Туманов на сцене. Потому что никаких особых неудобств ее назначение ему не доставит. Но он с лицом героя-панфиловца, идущего с лопатой против танка, медленно расстегивает пижамную куртку, чтобы дать Сашке доступ к маленькому приборчику, на котором достаточно нажать всего лишь одну кнопку. Все, дополнительная доза инсулина введена. Мог бы и сам справиться, артист. И даже не почувствовал же ничего, но как не пострадать на публику?

— Всё, с гадостями закончили, — она застегивает на нем куртку, помогает удобно устроиться под одеялом, — сейчас будут вам радости.

— Наконец-то! Я уж и не надеялся! — язвит он.

Сашка идет готовить свежий чай. Сна уже ни в одном глазу, причем у обоих. Она сова, и в три часа ночи ей как раз хорошо. Зато в восемь, когда он бодрый и веселый заруливает на кухню, Сашке хочется сдохнуть и искупаться в тазу с кофе одновременно. Кто он в птичьё-биоритмической классификации, Сашка не возьмется определять.

Он сам по себе. Почти пятьдесят лет гастрольной жизни способны сбить любые внутренние часы, даже если бы их изготавливали швейцарцы. Он может резво скакать с раннего утра, а может весь день провести в постели, если его оттуда не выгнать.

Ночью ей его особенно жалко. Она знает, как он боится ночи. Хорошо помнит, как в первые месяцы категорически не хотел оставаться на ночь один, как долго еще жил в нем страх задохнуться. Сейчас все проще, он даже шутит, играет на публику. Но всем было бы лучше, если бы обходилось без ночных подъемов. Не обходится.

Хочется его побаловать, и Сашка вместо обыкновенного чая заваривает тертую облепиху. Он любит ягодные напитки. Возни больше, зато сколько радости на его лице, когда он замечает в ее руках стакан с янтарно-желтой жидкостью. Медный подстаканник, ложечка. Всё как в лучших домах.

— Приятного.— Сашка снова садится к нему на постель.

— А ты?

Сашка морщится. Она облепиху терпеть не может.

— Вкусно,— довольно щурится он.— Так просто, а вкусно. Так всегда и бывает. В детстве мама нальет стакан кипятка, растворит в нем кусок сахара — вкусотища! Сахарин растворяется плохо, на дне кристаллики оседают. И ты пьешь горячую воду, и ждешь, когда же конец, чтобы самое вкусное ложкой соскрести.

— А почему кипяток? Почему не чай?

— Так не было заварки. Морковка иногда была, ее заваривали. Противная. Лучше просто кипяток.

— Вы всегда сладкое любили?

Всеволод Алексеевич кивает.

— В сорок шестом, на первый послевоенный Новый год, мама мне «рожок» подарила — из фольги свернутый кулечек. А там немного грецких орехов, одна мандаринка и

конфета «Мишка». Тоже одна. Столько счастья было! До сих пор вспоминаю с теплотой. Теперь не из-за конфеты, конечно.

Сашка кивает. Она поняла. Из-за мамы. Всеволод Алексеевич остался, считай, сиротой в пять лет. У отца служба, военный госпиталь, потом новая семья. Маленький Севушка болтался за ним хвостиком, передаваемый с рук на руки медсестрам, адъютантам, мачехе.

Про его маму говорить сложно обоим. Никогда не видевшая ее Сашка часто думает о женщине, которая прожила почти вдвое меньше, чем ей сейчас. Понимала ли она, сгорая от чахотки, что это конец? И что маленький мальчик, сын, остается один? Было ли у нее время подумать о его судьбе? Наверняка. Вряд ли она тогда могла думать о чем-то еще. Сашка не особо верит в ангелов-хранителей и прочую околорелигиозную мифологию. Но сказочное везение Всеволода Алексеевича, которое помогало ему выигрывать конкурсы, получать самые шлягерные песни, раз за разом вытягивать счастливые билеты прямо из-под носа коллег, порой куда более одаренных природой, иначе чем ангелом-хранителем объяснить трудно. И если таковой существовал, у него точно были глаза его мамы.

Допил облепиховый чай, Сашка забирает стакан. Поднимается, собираясь идти.

— Посиди еще.

Спокойно говорит. Знает, что ему не откажут и не нужно выдумывать причины. Она останется просто потому, что он так хочет, объяснять не обязательно.

Какое-то время сидят молча. Наконец Сашка вспоминает неписаное правило хорошего тона: в любой неловкой паузе говорить о погоде. Хотя их пауза совсем не неловкая, вместе им и молчать хорошо.

— На улице настоящая весна, Всеволод Алексеевич. Тепло. Завтра прогуляемся?

Кивает.

— А какое число?

— Пятнадцатое.

— Уже? Скоро майские. В майские всегда было столько работы.

Сашка прикусывает губу. Она до сих пор не знает, как реагировать на разговоры о сцене. Сначала обрывала, хотя перебить его — немислимо. Но старалась отвлечь, сменить тему. Чтобы не грустил еще больше, не вспоминал, не сравнивал себя сегодняшнего и того, экранного, Туманова в костюме с бабочкой. Но он так часто и упорно возвращался к этим воспоминаниям. Именно они позволяли отвлечься, когда он скверно себя чувствовал. Он хотел говорить о сцене. И Сашка сдалась.

— А я никогда их не любила. Первые майские. День Победы — да, особенно в нулевые. А Первомай — ну что это за праздник?

— Славный праздник Первомай, я наассу, а ты поймай, — ехидно комментирует Всеволод Алексеевич.

Сашка чуть стакан не роняет от неожиданности. Никак она не привыкнет к настоящему Туманову. Настоящий — тот еще лицедей. Это на сцене он всегда был правильным. Правильный костюм, правильные слова, правильный репертуар и очень ограниченный набор жестов, эмоций, красок. У настоящего палитра куда богаче. Он и трогательный, цепляющийся за ее руку в темноте, и нежный, заснувший с улыбкой, и невыносимый, изводящий стариковскими капризами, и ехидный, выдающий что-то совершенно мальчишеское. Порой его шутки в диванной плоскости или откровенно детские подколы родом, как потом выяснялось, из артистической среды, вводят Сашку в ступор. Нет, она и сама не нежная ромашка, а детство в мытищенских дворах, да в девяностые, на ее врожденной интеллигентности оставило свой отпечаток. Но от него Сашка до сих пор подсо-

знательно ждет сценического пафоса, а никак не дворовых прибауток.

— Так чем тебе Первомай не угодил? — невозмутимо продолжает он.

— Я его не понимала. Что празднуем, почему? В моем детстве уже ведь не было демонстраций. И вообще какого-то обоснования этой даты. Просто четыре выходных подряд, когда все уезжают на «маевки». То есть на дачи, бухать и жарить шашлыки. Чаще просто бухать. Одна радость, что на майские всегда какие-нибудь хорошие концерты повторяли. Помню, ваш юбилейный, пятидесятилетие, поставили на четвертое мая. Повтор, конечно, но у меня не было записи. И я так надеялась, что запишу. А в моей идиотской школе вечно сокращали праздничные дни. Мы и в каникулы отдыхали меньше, чем все нормальные дети. И я боялась, что как раз четвертое объявят учебным днем. Клас-снуха пришла, зачитывает выходные дни. И когда назвала четвертое, я громче всех от радости орала. Она на меня даже покосилась. Решила, что я главный лодырь. В общем, я готовилась, заранее чистую кассету припасла, записывать. А четвертого утром родители объявляют, что мы всей семьей едем за город, в лес. Грибы собирать. На черта мне те грибы? Как я просила оставить меня дома! Но папа уперся, мол, семейный выезд. Первый раз за год вспомнил, что с семьей надо время проводить, поди ж ты. И концерт я пропустила. Так расстроилась. Мелкая же совсем была. Потом, через пару лет, мне уже никто указывать не мог.

Всеволод Алексеевич качает головой. Ему интересно слушать ее рассказы, в которых он главный персонаж. Но странно. Чаще всего он ее не понимает. Но очень старается понять.

— А что, так важно было записать? Ты же уже видела тот концерт, когда его первый раз показывали.

— Конечно важно! Во-первых, для истории. Тогда еще речь не шла ни об интернете, ни о каких-то оцифровках.

Но я уже понимала, что все ваши записи надо сохранять, что это будущий архив. Мне невероятно нравилось с ним возиться: подписывать кассеты, составлять каталоги. И то же самое со всеми публикациями о вас в газетах, журналах. Подшивала, подклеивала, в папки собирала.

— Маленький архивариус, — хмыкает Туманов. — Надо же... А мне всегда плевать было. Я ничего не собирал. Даже пластинки свои куда-то все подевал. А во-вторых?

— А во-вторых, я пересматривала записи. По много раз, особенно юбилейные концерты. И с большим удовольствием.

— Нашла что пересматривать. Пятидесятилетие, говоришь? Черный костюм с белыми треугольными вставками, да? Люстры вместо декораций?

Сашка кивает. Странные у него ориентиры. Должен был бы программу вспомнить, репертуар. А ему запомнились пиджак и люстры. Оригинально.

— Саш, я же был пьян в хламину. Мы с утра праздновать начали. Эти так называемые мои друзья еще на генеральном прогоне заныли, мол, не идет на сухую, что за праздник без коньяка и так далее. А коньяка у нас хоть залейся: главный спонсор концерта — коньячный завод. Тогда на рестораны ни у кого денег не было, столы накрывали прямо за кулисами. Ну и мы по маленькой, по маленькой. Им-то ничего, они закусывают. А я мало того что на нервах, так еще и наесться не могу, мне же петь весь вечер. И к началу концерта уже на бровях. Неужели ты не заметила?

— Всеволод Алексеевич, мне было двенадцать лет. Хотя ладно, на пьяных мужиков я к тому времени насмотрелась достаточно. Но вы сильно от них отличались, поверьте. У меня тот концерт до сих пор один из любимых. Вы там такой... неформальный. Рубашка полурасстегнута, грудь расхристана, глаза блестят. В общем, я сочла это все за творческий кураж. Потом закрылись подозрения,